

А. Л. Юрганов

"ДЕЛО" АЛЕКСЕЯ ЛАЗАРЕВА (герой романа "Война и мир" и его прототип)*

"Батальоны закричали: Ура и Vive l'Empereur! Наполеон что-то сказал Александру. Оба императора слезли с лошадей и взяли друг друга за руки. На лице Наполеона была неприятно-притворная улыбка. Александр с ласковым выражением что-то говорил ему"¹ - такую сцену увидел в 1807 г. Николай Ростов в Тильзите.

Еще не остыл пыл, не успокоились нервы, в больнице лежал Денисов! А тут - мир.. На полях рукописи романа "Война и мир" Л.Н. Толстой пометил: "Ростов не смеет разочаровываться, но спутан и наблюдает: Александр - человек, Наполеон - итальянский певец".

Сцена, которую увидел Николай Ростов, стала для всего романа очень важной: она вобрала в себя главные философские вопросы, которыми мучились герои романа, заставляя и нас, читателей, погружаться в художественную реальность Войны и Мира.

На плацу Наполеон подошел к Александру и сказал: "Государь, я прошу у вас позволения дать орден Почетного легиона храбрейшему из ваших солдат". Наполеон не нравится Ростову - этот резкий голос, малый рост и слова: "Тому, кто храбрее всех показал себя во время войны", - прибавил Наполеон, отчеканивая каждый слог...

- Ваше Величество позволит мне спросить мнение полковника? - сказал Александр и сделал несколько поспешных шагов к князю Козловскому, командиру батальона...

- Кому дать? - не громко по-русски спросил император Александр у Козловского.

- Кому прикажете, ваше величество - Государь недовольно поморщился и, оглянувшись, сказал:

- Да ведь надобно же отвечать ему.

Козловский с решительным видом оглянулся на ряды и в этом взгляде захватил и Ростова.

Уж не меня ли - подумал Ростов.

Лазарев! - нахмурившись прокомандовал полковник; и первый по ранжиру солдат, Лазарев, бойко вышел вперед"².

Л.Н. Толстой ничего не придумал: почти дословно эта история была взята из "Описания второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах" военного историка А.И. Михайловского-Данилевского. Труд этот вышел в 1846 г. и значится в списке литературы, которой, по исследованию Э.Е. Зайденшнур³, пользовался писатель.

Вот как этот фрагмент описан историком: "В день ратификации мирного, тайного и союзного договоров, император Александр и Напо-

* Радиоверсия этой статьи впервые прозвучала в передаче В.С. Тольца "Разница во времени" на волнах радиостанции "Свобода".

леон обменялись орденами. Государь пожаловал Андреевские Ленты Мюрату, Талейрану и маршалу Бертье, а Наполеон возложил орден Почетного легиона на цесаревича Константина Павловича, князя Куракина, князя Лобанова и барона Будберга. Потом император Александр, в ленте Почетного легиона, а Наполеон в Андреевской, поехали один к другому верхом и встретились на половине пути, по сторонам коей стояли батальоны гвардии их, лицом к лицу. После взаимных поздравлений с утверждением договоров, Наполеон подъехал к Преображенскому батальону, и сказал государю: "Ваше величество, позвольте мне надеть орден Почетного легиона на храбрейшего из Ваших солдат, на того, кто в нынешнюю войну вел себя отличнее других?"

Александр отвечал: "Прошу позволения Вашего величества посоветоваться с полковым командиром", - и спросил Козловского:

- Кому дать?

- Кому прикажете.

- Да ведь надобно ж ответить ему, - сказал император.

Козловский вызвал первого по ранжиру солдата Лазарева. Наполеон снял с себя орден Почетного легиона и надел его на Лазарева, приказав производить ему ежегодно по 1.200 франков. Возвратясь домой, государь послал Наполеону знак отличия Военного ордена для храбрейшего из французских солдат. Впоследствии, будучи послом в Петербурге, Коленкур приглашал Лазарева на свои балы и обеды и дарил ему ленты ордена Почетного легиона. В тот же день, по приказанию Наполеона, батальон гвардии его давал на поле обед батальону Преображенского полка. Подле каждого нашего гвардейца сидел французский солдат. Угощение было для всех на серебряных приборах и самое веселое. Преображенцы надевали на себя французские мундиры и медвежьи шапки, а французы русские мундиры и кивера, и потом некоторые повалились под стол⁴. Текст этот, как специально отметил автор, был написан "со слов тайного советника Козловского"⁵.

Введенный при Наполеоне орден Почетного легиона⁶ был воинской наградой, а сам Легион военно-политической организацией, созданной Законом 29 флореаля X года (19 мая 1802 г.). А 22 мессидора XII года (11 июля 1804 г.) императорским декретом были утверждены орденские кресты "в качестве общенациональной награды" (до введения декрета награждали почетным оружием). Легион делился на когорты; каждая из них получала от государства по 200 тыс. франков из национального дохода. Высшие сановники могли получить "Большого орла", солдаты - легионерские кресты. За 1802-1814 гг. орденом почетного легиона было награждено 48 тыс. человек... Но среди русских солдат, судя по всему, Лазарев был одним из первых (если не первым), кто получил этот орден!..

Но вернемся к роману:

"Куда же ты! Тут стой! - зашептали голоса на Лазарева, не знавшего куда идти. Лазарев остановился, испуганно покосившись на пол-ковнка, и лицо его дрогнуло, как это бывает с солдатами, вызываемыми перед фронт.

Наполеон чуть поворотил голову назад и отвел назад свою маленькую пухлую ручку, как будто желая взять что-то. Лица его свиты, догадавшись в ту же секунду, в чем дело, засуетились, зашептались, передавая что-то один другому, и паж, тот самый, которого вчера видел Ростов у Бориса, выбежал вперед, и почтительно наклонившись над протянутой рукой и не заставив ее дожидаться ни одной секунды, вложил в нее орден на красной ленте. Наполеон, не глядя, сжал два пальца. Орден очутился между ними. Наполеон подошел к Лазареву, который, выкатывая глаза, упорно продолжал смотреть только на своего государя, и оглянулся на императора Александра, показывая этим, что то, что он делал теперь, он делал для своего союзника. Маленькая белая рука с орденом дотронулась до пуговицы солдата Лазарева. Как будто Наполеон знал, что для того чтобы навсегда этот солдат был счастлив, награжден и отличен от всех в мире, нужно было только, чтобы его, Наполеонова рука удостоила дотронуться до груди солдата. Наполеон только приложил крест к груди Лазарева и, пустив руку, обратился к Александру, как будто он знал, что крест должен прилипнуть к груди Лазарева. Крест действительно прилип"⁷.

Сюжетный центр эпизода - размышления Ростова: "В уме его происходила мучительная работа, которую он никак не мог довести до конца. В душе поднимались страшные сомнения. То вспоминался Денисов с своим изменившимся выражением, с своей покорностью и весь госпиталь, с этими оторванными руками и ногами, с этой грязью и болезнями. Ему так живо казалось, что он теперь чувствует этот больничный запах мертвого тела, что он оглядывался, чтобы понять, откуда мог происходить этот запах. То ему вспоминался этот самодовольный Бонапарте с своей белой ручкой, который был теперь император, которого любит и уважает император Александр. Для чего же оторванные руки, ноги, убитые люди? То вспоминался ему награжденный Лазарев и Денисов, наказанный и непрощенный. Он заставлял себя на таких странных мыслях, что пугался их"⁸.

Тут в самом деле какая-то тайна бытия, для которого Война и Мир - естественные формы человеческого существования. Ростов в своем испуге как-то по-детски, но глубоко, почувствовал, что пред ним раскрылось то, что необъяснимо, и как ребенок, чувствующий свою беспомощность перед неведомым, Ростов переключился в тот ритм, который был ему знаком и понятен: выпив в компании, он "весьма некстати, по понятиям своих собеседников, но весьма последовательно по ходу своих мыслей", сказал: "Наше дело исполнять свой долг, рубиться и не думать, вот и все..."

Толстой не сразу создал "канонического" Лазарева. Сначала он хотел придать его облику почти комический характер. В первой завершенной редакции романа читаем: "Это был рослый мужчина, рыжеватый, с красным глупым лицом и оловянными глазами. Не только все его тело, но черты лица, глаза, мысли души даже, видимо, делали в эту Минуту стойку, т.е. погружены были в усилие, как стоять вытянувшись

и глядеть в глаза государю... Лазарев бойко вышел, красиво, но лицо его дрогнуло, как это бывает с солдатами, вызываемыми перед фронт для наказания. Бонапарт... снял перчатку и показал маленькую пухлую руку ("парикмахер", думал Ростов) и только чуть повернул голову назад, как лица его свиты, догадавшись в ту же секунду, в чем дело, засуетившись и, передавая один другому орден с ленточкой, выскочили вперед и подали ему, не заставив дожидаться ни одной секунды его назад протянутую маленькую ручку. Он, видно, знал, что это не может быть иначе. Он протянул руку, и, не глядя, сжал два пальца: в них был орден. Он подошел к Лазареву и, глядя вверх на это неподвижное лицо, — не нахмурившись, не просветляясь, лицо его не могло измениться, — оглянувшись на императора Александра, показывая этим, что это *ему*, и рука с орденом дотронулась до пуговицы солдата Лазарева, вероятно, желая и предполагая, что орден сам собою прилипнет к пуговице солдата Лазарева, он знал, что дело только в том, что его, Наполе-онова рука [дотронулась] удостоила дотронуться до груди русского солдата и д(овольный?) солдат этот теперь есть уже святыня. Крест действительно прилип, потому что и русские и французские услужливые руки, мешая одна другой, бросились прицеплять его. Лазарев, между тем, как около него увивались все силы мира, неподвижно держал на караул, прямо глядя в глаза Александра и изредка вниз, косясь на Бонапарта и оглядываясь на Александра, как будто он спрашивал Александра, — все ли еще ему стоять или не прикажут ли ему еще что-нибудь сделать... или убить этого Бонапарта, или не надо, или так оставаться. Но ему ничего не приказали, и он так и оставался"⁹.

Толстой затем передумал: лишил Лазарева всех этих смешных черт ради одного — изобразить солдата *никаким*. Не плохим, не хорошим, не смешным, не серьезным, — просто Лазарев один из многих, а множество, как известно, лишено личностных черт. Он — счастливчик.

Таким *смотрящим в глаза императору солдатом*, незаслуженно ставшим героем, виделся Толстому и "канонический" образ преображенца — первого лишь по ранжиру.

Алексей Лазарев — необходимый для художественной *реальности* романа типаж, ибо в системе подобных "координат" — от ничтожного солдата-счастливчика до несчастливца героя Денисова — видна вся драма Войны и Мира, не случайно испугавшая Ростова своей непостижимой логикой...

Литература всегда есть способ завершить смыслы, которые нельзя завершить эмпирически. Человек, будучи существом конечным, не в состоянии пройти в своем бытии бесконечное число шагов, чтобы все охватить, а через переживание литературного текста можно символически завершить эти смыслы и понять их. Иначе говоря литература есть наилучшее сокращение эмпирического обозрения¹⁰. Каким-то сверхъестественным чутьем Толстой определил разницу между современником и писателем: Ростов видит непосредственно, что происходит, но не понимает, писатель же буквально не видит, но способен художе-

ственными символами вскрыть глубинную суть явлений жизни. Символ - это "объединение, сбрасывание в одно"; когда чеховская Душечка - Оленька Племянникова, выйдя замуж на антрепренера Кукина, "говорила знакомым, что самое замечательное, самое важное и нужное на свете - это театр и что получить истинное наслаждение и стать образованным и гуманным можно только в театре", было ясно, что в ее словах - символ закономерности ее судьбы...

Лазарев *осмыслен* как символ - ему определено *место* в пространстве художественной реальности романа...

Несколько лет назад в военно-историческом архиве мною было обнаружено большое по объему судебное дело уже не солдата, а гвардейского офицера, Алексея Лазарева. В нем - подлинный диплом на орден "Почетного легиона", выданный, как помечено, 22 октября 1807 г.

...Алексей Евдокимович Лазарев начал службу в русской армии 1 июня 1790 г. в Екатеринбургском пехотном полку. По происхождению он - из солдатских детей, которые имели права учиться в военных школах, получать образование, становясь потом мелкими чиновниками, крайне редко - офицерами. Даты рождения в формулярном списке нет, но есть помета: в 1816 г., когда составлялся список, ему — 41 год. Иногда в таких формулярных списках давалось описание внешности, а тут его нет. Правда, мы знаем точно - роста наш герой был необыкновенного.

Итак, на первом листе "дела" символические пометы: чернилами - "началось", *"решено в 1825 году"*. И карандашом еле заметно: "В архив"...

Лазарев был предан суду в октябре 1819 г. "по высочайшему повелению" Александра I...

25 сентября 1819 г. III отделением Инспекторского департамента Главного штаба е.и.в. было написано циркулярное письмо в Аудиториатский департамент, полученное 29 сентября. В нем сообщалось: "Его императорское величество высочайше повелеть соизволил: гвардейской инвалидной № 1 роты прапорщика Лазарева, за причиненные им побои губернскому секретарю Мусорину и мещанке Щипачевой, судить военным судом *арестованного*. О сей высочайшей воле предлагая Аудиториатскому департаменту для сведения, даю знать, что для надлежащего по оной исполнения, сообщено с ним вместе г. главнокомандующему гвардейским корпусом". И подпись: "дежурный генерал Зак-ревский". Обратим внимание на одну немаловажную деталь: император лично повелел судить Лазарева "арестованного".

1 октября 1819 г. в Аудиториатский департамент Главного штаба е.и.в. поступило донесение командующего гвардейским корпусом. В нем говорилось "Господин дежурный генерал Главного Штаба его Величества сообщил мне, что государь император по всеподданнейшему Докладу представлению г-на генерал-адъютанта Васильчикова 1-го от 2-го сего сентября о побоях, причиненных гвардейской инвалидной № 1 роты прапорщиком Лазаревым губернскому секретарю Мусорину и

мещанки Щипачевой, высочайше повелеть соизволил прапорщика Лазарева за означенный поступок судить военным судом"¹¹.

Первоначальная "сентенция" Военного суда была суровой - "по силе воинского 146 артикула (т.е. Артикула воинского 1715 г. - *А.Ю.*) и указа 1775 года апреля 28 дня¹² (приговорить) к лишению руки..."

Никто, конечно, не собирался отрубать руку прапорщику: столь жесткая формула уже не отвечала духу александровского времени...

После суда Лазарев был отдан под арест и содержался на карауле временных Сената департаментов.

Время шло. Прошел год. Второй.

Только в самом начале 1822 г. заметили *это*, наконец: и в канцелярских бумагах Главного Штаба возник давно назревший вопрос: "Отчего так долго продолжается дело о Лазареве"⁹

Из недр канцелярии вышел документ под названием: "Справка о причинах, по коим производимое под прапорщиком Лазаревым дело еще не окончено". Составлена эта Справка была в ордонанс-гаузе 4 января 1822 г. Через день после написания этого документа ее прочитал князь Петр Михайлович Волконский, наложивший резолюцию: "Вздору прошу не писать (далее неразборчиво одно слово. -*А.Ю.*), не марать напрасно бумагу"...

Петр Михайлович Волконский всегда был близок к Александру: уже в момент вступления императора на престол 25-летнему гвардейскому полковнику приказано было переехать на постоянное жительство в Зимний дворец, а в день коронации ему был присвоен новый чин генерал-майора и пожалован чин генерал-адъютанта. Он был рядом со своим императором во время Отечественной войны 1812 года - до сдачи Москвы Наполеону, они вместе вошли в Париж, князь участвовал в Венском конгрессе... П.М. Волконский сопровождал царя в его последней поездке в Таганрог в 1825 г. и был свидетелем, можно сказать, последнего вздоха императора. В 1822 г. генерал от инфантерии, отличавшийся всегда особым здравым смыслом и поистине (как утверждали сами современники) железным нравом, искренне не понимал того, что он прочитал в Справке. Ему, человеку, знавшему толк в документах - а он был начальником штаба русских войск еще при М.И. Кутузове — было непонятно, почему составитель этой Справки не позаботился об осмысленности того, о чем идет речь. "Вздор", - т.е. подобное дело не стоит таких канцелярских забот. Впрочем, допустимо и то, что П.М. Волконский был свидетелем сцены награждения Алексея Лазарева: князь и в Тильзите был рядом с Александром, который там представил его Наполеону. Оба императора договорились, что П.М. Волконский отправится во Францию изучать французскую армию и работу Генерального штаба. Удивительно, но Наполеон тоже любил держать рядом этого умного и незаурядного человека. Когда же в 1809 г. началась война Франции с Пруссией, он предложил русскому генералу сопровождать его, но П.М. Волконский не согласился и в 1810 г. вернулся в Россию. Князю вполне мог быть известен и факт отправки во

францию - для храбрейшего из французских солдат - знака отличия Военного ордена. А что если мысль о судьбе необычного воина также была сопрячена столь неофициальной по духу реплике о "вздоре"?..

Попробуем понять этот документ изнутри: каковы в самом деле "причины" задержки? "Гвардейской инвалидной № 1 роты прапорщик Лазарев предан военному суду при здешнем ордонанс-гаузе по высочайшему повелению в октябре 1819 года за побои, причиненные чиновнику и мешанке. Суд сей был окончен и представлен на рассмотрение к командиру лейб-гвардии гарнизонного батальона генерал-майору Гордееву 30-го сентября 1820, но 24 мая 1821 возвращен для дополнения, почему с сего времени до сентября месяца отыскивались чрез сношения прикосновенныя к сему делу разные лица, от коих равно и подсудимого отбирались вновь показания, а от некоторых требованы были объяснения чрез новгородского гражданского губернатора; потом в статейных списках показано: за сентябрь, что дело сие лейб-гвардии Гренадерского полка от аудитора Ильина принято 21-го сентября аудитором Климовым, которым и рассматривается. Здесь автор справки сделал даже сноску, в которой специально сообщил: "Аудитор Ильин отправлен в сентябре месяце лейб-гвардии в Гренадерский полк по требованию генерал-майора Желтухина по предстоявшей там в нем надобности".

В справке отмечалось одно экстраординарное событие: Лазарев один раз был отпущен из-под ареста. И хотя в справке подробно не сообщалось, что случилось 6 марта 1821 г., но под другим документам этого дела видно, что Алексей Лазарев был, как говорилось, "отпущен к жене своей", судя по всему, он не дошел... В 11 часов вечера, "зайдя в дом капитан-лейтенанта Леймана, спрашивал у людей его охотников в солдаты, обещая по 2 тыс. руб. и требовал у дворника бумаги и чернил"! "А когда взят был полицию, то на опросе частного пристава говорил, что он послан от его императорского высочества Михаила Павловича отыскивать отлучившегося кавалергардского солдата". Выяснилось: "По произведенному же о сем исследованию... Лазарев учинил сей поступок в горячке, ибо он в то же время из канцелярии обер-полицмейстера был отправлен в военно-сухопутный госпиталь". Когда он очнулся - его спросили о случившемся: но он сказал, что "ничего не знает".

Последующие месяцы в жизни Лазарева были схожи как братья-близнецы: машина исполнения судебных и иных решений, судя по справке, никуда не торопилась: "...при здешнем ордонанс-гаузе производится дел: о генералах, штаб и обер-офицерах 17, и о нижних чинах 70, то на рассмотрение таковых списков потребно и *особенное время*".

5 января 1822 г. Аудиторский департамент направил аудитору Петербургского ордонанс-гауза запрос: "Благоволите немедленно доставить в Аудиторский департамент сведения, *на чем именно* остановилось военно-следственное дело, производимое при здешнем ордонанс-гаузе гвардейской инвалидной № 1 роты над прапорщиком Лазаревым".

А меж тем 11 июля 1822 г. доклад Аудиторского департамента был направлен Александру I, чтобы на основании приводимых в нем сведений окончательно решить судьбу гвардейского офицера. Заметим попутно, что того же числа Аудиторский департамент отправил начальнику штаба е.и.в. "господину генерал адъютанту и кавалеру князю Волконскому" рапорт, а к нему прилагалась "записка", в "которой представляется всеподданнейший доклад Аудиториата о прапорщике Лазареве". Словом, П.М. Волконский был уведомлен обо всем. Никаких других его реплик в отношении этого дела мы не знаем, и совершенно неясно, в какой мере он следил за развитием событий.

Вот как в официальном докладе, представленном императору, излагались события и материалы следственного дела. Прапорщик гвардейской роты Преображенского полка прибыл 13 июля 1819 г. из Павловска в Санкт-Петербург, зашел в один дом, желая найти своего знакомого, брат которого был ему должен 63 рубля, и "когда живущая в том доме мещанка Щипачева, на вопрос его, Лазарева, о Бочарове отвечала, что его нет дома, то Лазарев бил ее, Щипачеву, по щекам и один раз на дворе по голове шпажным эфесом"¹³.

Но это не все. На улице случилось еще одно происшествие. "Проходивший мимо их служащий в Сенате губернский секретарь Мусорин спросил о причине драки, то Лазарев и ему причинил побои, а после ударил и еще два раза у квартального надзирателя".

Лазарев не признавал себя виновным. Он действительно был в доме мещанина Сажина и спрашивал у Щипачевой о Бочарове, но когда получил ответ, что его нет, то "без всякой брани и драки вышел вон". Отойдя от дома, он встретился с неизвестным «ему человеком, одетым в партикулярном платье, который поровнявшись с ним, сказал "Экой черт"». Обидевшись, Лазарев обернулся и плюнул. А тот замахнулся на него тростью и ударил по плечу. "После чего он (Мусорин. - А.Ю.)... побегал в неизвестный дом, кричал, что он покажет ему, кто он такой и каков его мундир" \ "Лазарев чувствуя себя обиженным, пошел вслед за ним, дабы открыть, кто такой человек его обидевший, который тогда же вышел одетый в мундир". И добавил, что Мусорин его оскорбительно называл генералом - "и сие возведено на него несправедливо"!

Из показаний Щипачевой 1819 года:

"...когда прапорщик Лазарев пришел в дом спрашивал у бывших тут мещан дома ли Бочаров, в сие время и она вышла из другой комнаты, то Лазарев ругал ее, а потом сказал "выди вон" и, ударив ее два раза кулаком, толкнул в ея комнату, почему и ходила с просьбою к квартальному надзирателю, и при возвращении от него встретилась с Лазаревым на улице, где и бил ее шпажным эфесом по голове, а после, обратись к бывшему при сем случае губернскому секретарю Мусорину, причинил и ему побои; но сей противу Лазарева, не делая никакой грубости, кричал только "караул".

Тому свидетели - со стороны потерпевшей: восемь человек мещан и купец Чернышев, видевший из окна своей квартиры, "как Лазарев бил ее на улице"¹⁴.

Из показаний Мусорина 1819 года:

"...прапорщика Лазарева никогда неприличным образом не называл, тростью не бил и оной вовсе при себе не имел, а когда проходил мимо дома купца Чернышева и, видя, что Лазарев бил Щипачеву, спросил о причине таковой драки, но Лазарев в ответ называл его холопом, ударил в ухо и еще несколько раз по голове, в чем сослался на купцов Чернышева и Сиговикова, и что сверх того Лазарев ударил его еще два раза в доме квартального надзирателя, при бытности жены его и губернской секретарши Бородиной".

Из показаний восьми мещан:

"...прапорщик Лазарев, придя в квартиру, спрашивал дома ли мещанин Бочаров; но когда оне ему сказали, что нет, то он, сев на кровать, велел призвать хозяйку Щипачеву, которая, пришед села против его, чем Лазарев огорчась, как оне полагают, спросил сперва, где Бочаров, а потом, кто она, и приказал ей выйти вон, но Щипачева, упорствуя отзывалась ему, что он ее из своей квартиры выгнать не может, почему Лазарев, взявши ее насильно, пехнул в другую комнату, а сам помешкав немного ушел; ругательств же при них не делал, по щекам и голове ее не бил, на улицу она не выбежала, к надзирателю не ходила, и при них Лазарев вторично ее не встречал, шпажным ножнами и ничем не бил, равно и губернского секретаря Мусорина при них тож не бил, и оне сего не слышали, да и хозяйка ни о чем не жаловалась".

Показания купца Чернышева:

«При следствии без присяги (показал. -А.Ю.) что Лазарев, встретясь с мещанкою Щипачевою, начал ее бить ефесом, и он из окна услышал крик оной Щипачевои, "за что ты меня бьешь?", когда же Мусорин шел мимо и остановился спрашивал, что такое значит, то Лазарев бил его в ухо и несколько раз по голове; а в Комиссии военного суда, под присягою, что он слышал из своего дома, как Щипачева крикнула один раз, но бил ли ее Лазарев, того не видал, а когда взглянул в окно на улицу, то видел, что Мусорин остановился с Лазаревым и сей махнул рукою, от чего свалилась у Мусорина с головы шляпа, более же Лазарев при нем его не бил и Мусорин "караул" не кричал».

Показания "новгородского купеческого сына" Сиговикова:

«...без присяги и под присягою (показал. - А.Ю.), что, услышав крик у квартиры своей, занимаемой в доме купца Чернышева, и подойдя к окну, увидел прапорщика Лазарева шумящего с мещанкою Щипачевою, который бил ее шпажным ефесом, от чего она кричала: "за что ты меня бьешь?", а когда шедший мимо секретарь Мусорин спросил о происходящем шуме, то Лазарев ударил и его в ухо и несколько раз по голове рукою, от чего Мусорин кричал "караул"».

Показания жен квартального надзирателя Кондратьева и губернского секретаря Бородина:

Без присяги они подтвердили показания Мусорина, "что Лазарев, приведши в квартиру надзирателя бил Мусорина по лицу и ругал, а в военном суде под присягою, напротив того, отозвались, что когда Мусорин приходил с Лазаревым к надзирателю, то последний первого не бил и неблагопристойных слов не говорил, а только замахнулся рукою, но не ударил".

Государю императору предлагалось ознакомиться также и с основными суждениями гвардейского начальства в отношении дела прапорщика Алексея Лазарева. По мнению бригадного командира гвардейской инвалидной бригады генерал-майора Гордеева 1-го (к моменту составления доклада числившегося уже в отставке), "за означенные буйственные преступления" следует "лишить его (Лазарева. - *А.Ю.*) чинов и всех имеющихся у него знаков отличия, переслать в армию". А вот начальник "оставленных в Санкт-Петербурге войск, генерал-адъютант" Павел Васильевич Голенищев-Кутузов высказался иначе. Это был боевой офицер и ему не была безразлична судьба Алексея Лазарева. По восшествии на престол Александра I он назначен командиром Кавалергардского полка, а 16 мая 1803 г. — шефом вновь учрежденного Белорусского гусарского полка. В этом полку он воевал и был награжден орденом св. Георгия 3-й степени. Отличился в боях с французами в 1807-1817 гг. и с турками в 1809 г. П.В. Голенищев-Кутузов, как и П.М. Волконский был близок императору. В 1811 г. он стал генерал-адъютантом. В 1812 г. сопровождал царя в Вильно, а потом в Або, где произошла встреча со шведским наследным принцем... Был петербургским обер-полицмейстером, а с 15 декабря 1825 г. и до начала 1830 г. военным генерал-губернатором. П.В. Голенищеву-Кутузову, судя по всему, не очень нравилось, что "дело" столь долго продолжается. К тому же он остроумно нашел уязвимые места в обвинении и не преминул написать о них: «1-е. Мещанка Щипачева поставила в свидетели 8 человек мещан у ней квартировавших в том, что они видели, как Лазарев ее бил, но они, быв спрошены под присягою, показали, что он ее не бил, она вон из квартиры не выходила да не жаловалась о побоях ей будто-бы Лазаревым сделанных. 2-е. Купец Чернышев, ее же свидетель, также, когда был спрошен под присягою, то показал, что он не видал, бил ли ее Лазарев, а только слышал, как она крикнула. Купеческий же сын Сиговиков, хотя и говорит, что он видел шумящих Лазарева и Щипачеву, и что Лазарев бил ее ефесом, но сего, чтоб обвинить Лазарева в побоях, недостаточно, ибо собственные ее свидетели ей противуречат, а *Уложения* (имеется в виду Соборное Уложение 1649 года. — *А.Ю.*) 10-й главы 160-м пунктом постановлено: "что есть ли, кто пошлется на людей, а те люди против его покажут, хотя один, то и тогда ему не верить"¹⁵, ибо сам на них ссылается, одному же свидетелю Сиговико-ву также верить нельзя, ибо Наказа Великия Екатерины пунктами 119-м, 120-м, 121-м и 139-м обвинение чрез одного свидетеля воспрещено». Далее хотя подтверждает сие губернский секретарь Мусорин, но он, будучи прикосновен сам сему делу, не может быть свидетелем. На шот же побои (так в тексте. - *А.Ю.*), сделанных ему Мусорину, купец Чернышев показывает, что он видел, как Лазарев махнул только ; рукою и у Мусорина свалилась шляпа, а чтобы бы бил Лазарев Мусорина, он сего не видел, а Сиговиков показывает, что он видел, как Лазарев бил Мусорина, но сим противуречиям, хотя также нельзя было

бь! утвердиться на показания Мусорина, но как частный пристав и три чиновника в съезде доме бывший утверждают, что Лазарев тогда сознался, что он один раз ударил Мусорина, да и сам Лазарев в ответах своих говорит, что он толкнул его, но и то за то, что был сам оскорблен Мусориным чрез неблагопристойные слова и удар по плечу тростью, из чего и выходит, что Лазарев может быть и ударил Мусорина, но за то, что сей изъявил свое удивление словами "Экой черт", видя в Лазареве очень высокого и здорового мужчину, что очень могло случится, ибо никто тут при них не был, а купец Чернышев и Си-говиков выглянули в окно уже по сделанному шуму..."

Но главный аргумент П.В. Голенищева-Кутузова прозвучал последним: императору Александру сообщалось, что несмотря на буйство прапорщика и неприглядные моменты в поведении, его биография отнюдь не рядовая: "В уважение *отличную 32-х летнюю Лазарева службу*, бытие в 5-ти походах и действительных сражениях, а равно и то, что он через сей поступок содержится уже под арестом слишком два года". Именно поэтому Голенищев-Кутузов предлагал: считать содержание под арестом достаточным наказанием и уволить со службы...

Мы никогда не узнаем, о чем думал Лазарев, находясь на гауптвахте. Вспоминал свою жизнь?.. Жалел о чем-нибудь?.. Одно можно сказать уверенно - ему было что вспомнить...

Перевод грамоты Почетного легиона, присланной ему вместе с подлинником, он мог повторять как добрую сказку времен Александра и Наполеона:

*"Великий Канцлер
Алексею Лазареву
гренадеру императорской Российской гвардии
Преображенского полка.*

Храбрый Гренадер/Вы имеете щастие получить при Тильзите орден Золотого Орла Почетного Легиона из рук моего Верховного Государя, Его императорского и Королевского Величества, императора Франции, короля и "покровителя Рейнского союза.

Его императорское и Королевское величество желая, чтобы Вы имели письменное свидетельство Его к Вам уважения, которое Он имеет ко всей императорской Российской гвардии, удостоил меня Своим повелением надписать и отправить к Вам сей патент, который свидетельствует о чести Вами полученной.

Его Величеству угодно также было, чтобы я известил Вас, что Вы будете получать ежегодно, считая с первого июля последнего года, пенсию тысячу франков, принадлежащих Золотому Орлу Почетному Легиону.

Великим удовольствием поставляю для себя известить храброго о сем³наке благорасположения к нему моего императора

*Ласенедо 1807 г.
октября 22*

Но даже в "добрых сказках" бывают свои "злодеи"...

По повелению Константина Павловича в 1809 г. в то время унтер-офицера лейб гвардии Преображенского полка Алексея Лазарева лишили ордена Почетного легиона за "учиненные им дерзкие поступки против фельдфебеля Тиравина и разжаловали *без суда* в рядовые", переведя в Азовский пехотный полк.

Так что Лазарев — уже не счастливчик, а скорее жертва произвола высокого начальства: даже если и был он виноват, формула "без суда" всегда несправедлива. К тому же орден Почетного легиона, при всех возможных оговорках, что Константин Павлович тоже был им награжден и имел некоторые права на соучастие в делах Легиона, был все же французский, а не русский. Алексей Лазарев - воин, познавший цену побед и поражений: нужно ли было его так оскорблять? В сохранившихся формулярных списках о службе¹⁶ Алексея Лазарева написано, что в 1805 г. он участвовал в сражении при Аустерлице, прошел европейскими дорогами и Силезию, и Моравию, и Венгрию, и западную Галицию, участвуя в сражениях против французских войск в 1806 и 1807 гг.

Азовский пехотный полк, в который сослали его, был знаменит. Сформированный 25 июня 1700 г., полк принимал участие в персидском походе Петра Великого, в войне с Турцией 1736-1739 гг., в Крымском походе 1737 г., в Семилетней войне, наконец, в 1794 г. им командовал А.В. Суворов. Но самые, пожалуй, видные заслуги полка - участие в русско-пруско-французской войне 1805-1807 гг.: под одним только Аустерлицем полк потерял половину своего состава, но ни одно из четырех знамен полка не попало в руки противника. Впоследствии в Крымскую войну полк отличился в сражении у Черной речки; в том же сражении принимал участие и мало кому известный тогда артиллерийский офицер Л.Н. Толстой¹⁷.

В 1812 г. Лазарев участвовал в *морской операции*: с десантом на корабле "Смелом" переправлялся из Гельсингфорса в Ревель... 24 марта 1812 г. русско-шведские переговоры завершились заключением союзного договора, подписанного в Санкт-Петербурге. Обе державы обязывались создать союзный корпус для высадки на немецких берегах Балтики и прорыва в тыл французских войск¹⁸. С обеих сторон должны были принимать участие самые элитные армейские силы.

Лазарев храбро вел себя, в послужных списках описаны его подвиги. Особенно отличился при Березине, взяв в плен немало французов. Судя по всему, это был очень *дерзкий* человек. В 1813 г. "при мызе Рукдим легко ранен в голову выше левого уха". Сам командир Азовского полка в 1814 г. дал ему аттестат, в котором говорилось об особой храбрости Лазарева! ("будучи он под моим начальством 3 года вел себя во все время хорошо, возложенныя на него неоднократные поручения исполнял со особливою рачительностью и усердием к службе Его Императорского Величества; в сражениях противу неприятеля оказывал всегда отличную храбрость и мужество....")¹⁹.

В 1814 г. Алексей Лазарев получил знак *Отличия Военного ордена* (№ 20060). Своеобразная компенсация ордена Почетного легиона! Когда-то самим императором Александром эти награды были уравнены. Кроме того он был награжден орденом св. Анны, не считая памятных медалей. В гвардии Лазарев стал популярной фигурой.

В 1816 г. он находился при дворе шведского короля Карла VII, возглавляя команду лучших гвардейцев. Генерал П.К. Сухтелен дал ему аттестат, в котором написал, что Лазарев достойно представил русскую гвардию: "Бел себя весьма честно и добропорядочно... и оправдал хорошую репутацию российского воинства..."²⁰. В 1816 г. за военные заслуги он был произведен в гвардейские прапорщики.

Разве мог Лазарев знать, сколь непредсказуемой окажется его судьба?..

И Мусорин, и Щипачева - еще не закончилось следствие, а уже просили уничтожить иск, обещая, что впредь навсегда забудут об этой истории. А Лазарев, как выяснило следствие, после ссоры с Щипачевой, в тот же день вернулся в ее дом (!) часов в 9 вечера "... в хмельном образе лег и ночевал".

...Меж тем "делом" Лазарева серьезно занимались *высшие военные чины Российской империи*...

Свидетельством того, что следственное дело пора кончать, явились материалы допроса свидетелей преступления Лазарева, присланные 23 августа 1822 г. калужским гражданским губернатором в Комиссию военного суда. Мещане Кондратий Зайцев, Клим Самютин, Астафий Костин дали показания. Вот одно из них — типичное: показание Кондратия Григорьева сына Зайцева: «...назад тому лет пять (! - А.Ю.) я в столичном городе С.-Петербурге был и у тамошней мещанки Анне Ивановой дочери Щепочевой в доме состоящем на петербургской стороне квартировал... во время ж проживания моего в С.-Петербурге в квартире мещанки Щепочевой приходили, когда в оную гвардейской инвалидной № 1 роты прапорщик Лазарев спрашивали ее Щипачеву, вышедшею из особой комнаты, о мещанине Бочарове, отвечала ему, что нет дома и не знает, куда пошел. Садился Лазарев на кровать, а хозяйка на другую, обиделся ли тем Лазарев и, не делая ей никаких ругательств, сказали ей, что иди в свою комнату, говорила она ему в ответ, что не смеет он ея высылать, говорил ли и вторично Лазарев ей, что выди вон, из сей комнаты в свою, и когда она не шла, то Лазарев отворивши двери пихнул ли ея из комнаты, пошел ли сам вон, говорили Лазарев мещанке Щепочевой какие неблагопристойные слова, проговаривал ли он ей Щепочевой, что как она смеет держать Воротынских мещан, бил ли он ея Щепочеву кулаками по щекам и голове, а Щепочева выбегала ли на улицу, ходила ли жаловаться к надзирателю, прапорщик Лазарев вторично встречался ли с Щепочевой, бил ли ее шпажными ножнами или чем другим, так же бил ли губернского секретаря Му-

сорина (в подлиннике фамилия перепутана - А.Ю.), шедшего в то время мимо того происшествия, Мусорин кричал ли "караул", а вечером того же дня приходили ли Лазарев вторично в квартиру, ночевали ли с мещанином Бочаровым, и делали ли какую обиду мещанке Щепочевой, или причиняли ли ей какие побои или нет, я того всего вышеописанного задолго просшедшим временем ныне припомнить не могу, что и показую саму сущую справедливость...».

Казалось бы, если даже свидетели уже не помнят столь ничтожных событий, то дело императора положить конец этой истории. Но не тут то было...

Прошел год. И еще год. Лазарев по-прежнему находился на гауптвахте.

23 мая 1824 г. правитель канцелярии дежурного генерала Главного штаба е.и.в. запрашивал Аудиторский департамент "по какому делу именно (?! - А.Ю.) прапорщик Лазарев содержится на Сенной площади"? Как ни странно, ответ был дан правильный: всеподданнейший доклад - у императора на конфирмации...

Прошел и 1824 год. Интересно, сколько бы прошло еще лет?..

10 апреля 1825 г. Санкт-Петербургский комендант сообщал в аудиторский Департамент Главного Штаба е.и.в.:

"Находившийся при С. Петербургском ордонанс-гаузе под судом гвардейской инвалидной № 1 роты прапорщик Лазарев и содержащийся на гошпитальной гауптвахте 4-го сего апреля застрелился...".

Человек осмысливает мир²¹ и наделяет его субъективными смыслами. Он их трансцендирует, т.е. выводит за пределы своего "я". Быть человеком — значит быть направленным не на себя, а вовне. Смыслы, которые создают люди - не что иное как сами эти люди: некое выражение их самости. Но смыслы не придумываются, а обнаруживаются. В чистом виде смысл - это то, что имеется в виду. Смысл может меняться почти мгновенно, его природа - уникальность в сущности и в существовании. Смыслов - бесчисленное множество, поскольку, как писал В. Франкл, известный американский психолог и врач, "жизнь - это вереница уникальных ситуаций"²². Если бы существовали одни только смыслы, то не возникло бы общество - не было бы единства, которое создает социум. Соединяют общепотребительные смыслы. Их функция - создавать общие уровни миропонимания. Знаки (значения) - исторически обусловленные психологические механизмы, способные как создавать стабильность, так и (при определенных обстоятельствах) саморазрушаться.

В художественном тексте Лазарев был осмыслен, но лишен реальных черт, в "жизни" он обрел реальные черты, но прикосновение к подлинным документам не дает возможности осмыслить эту жизнь: ее энтропийность (т.е. собственная осмысленность) несимволична.

Это связано с тем, что многое в существовании самого жизненного потока нам неясно. Ведь научное осмысление возможно лишь при условии выявления *смыслополагательной сферы человека и общества той эпохи*. Каковы были устойчивые стереотипы сознания, чем отличалась система нравственных ориентиров, оценочных суждений и т.д. и т.п.? Один только пример — из этого дела: Щипачева села перед офицером и, как полагали мещане, наблюдавшие события "дела", с этого все и началось. То ли Щипачева не обязана была стоять перед гвардейским офицером, то ли гвардейский офицер сразу же показался ей не из дворян, и она не стала церемониться. Возможно, вся жизнь Лазарева была замешана на этом чувстве обиды за неполноценное существование: и орден дали, потом отняли, и гвардейским офицером стал, не будучи дворянином. Ведь обиделся же Лазарев на то, что его, офицера, как ему показалось, оскорбили словами "экой черт", ведь понадобилось же ему узнать "каков мундир" Мусорина?..

Если поведение человека в контексте освободительной войны или революционной борьбы с самодержавием уже обрело свою типологию, то жизнь "сама по себе" остается "мутным потоком" непознанного человеческого существования...

Выявленные документы - объектная реальность, которая в материальном виде фиксирует психическую деятельность человека. На бумаге следственного дела - фрагменты действительности. Чтобы их понять, необходимо обнаружить подобные же "осколки", собрать их и воссоздать мозаичное полотно. Лишь дилетанту покажется, что открытие новых документов прибавляет знаний о прошлом, профессионал же задумается: неизвестные фрагменты, не имеющие своего продолжения, не типологичные по отношению к тому, что известно, приоткроют лишь часть материка и покажут, что *теперь мы знаем еще меньше, чем прежде*.

Документы "дела" заставляют размышлять о том, что такое "действительность" прошлого. Традиционно считается, что историк из исторического источника извлекает данные для того, чтобы затем составить представление об "объективной картине" того, как было "на самом деле". Такой подход в значительной мере обедняет историческое познание, ибо историк чаще всего "выводит" за пределы источника лишь то, что ему понятно в данный момент. Забывается, что историк сам по себе тоже субъект познания, со своими страстями и мифологией, выраженной, прежде всего, в научном языке описания, а также в базовых общепотребительных смыслах, принятых в этот момент обществом...

А между тем, подлинная стихия действительности заключена в самом источнике, в нем она сохраняет свою первозданность и - прежде всего - структуру самосознания человека. Вот именно *это* и необходимо искать типологически родственных текстах. Такого рода комментарий "изнутри" даст возможность выявить и обосновать наиболее характерные черты в социальном поведении человека. А пока мы фиксируем лишь фрагмент хаотического состояния жизни, обнаруженной в документах...

Но даже в таком хаосе просматривается нечто типичное. Судебное дело репрезентативно показывает, какой была судебно-исполнительская машина Российской империи. Ее неспособность решить ничтожное следственное дело - символ глубокого застоя. Закон, на который ссылался военный суд - Артикул воинский 1715 г., был создан еще Петром Великим. С тех пор воды утекло много, а цельного законодательства, подобного Соборному Уложению 1649 г., так и не было создано. Меж тем Артикул воинский 1715 г., во многом основываясь на нормах Соборного Уложения 1649 г. (по крайней мере, в своих первых главах), действовал как неотмененное никем законодательство не только для военных лиц, но даже (в некоторых случаях) и для гражданских²³. О немеркнущем значении этого средневекового памятника говорит и то, что Павел Васильевич Голенищев-Кутузов, оправдывая Алексея Лазарева, ссылался, прежде всего, на текст Соборного Уложения, не смущаясь того, что создан он был в совершенно иную эпоху. Само же соединение им положений Соборного Уложения и "Наказа" Екатерины II заставляет размышлять о непростых путях русского судебного судопроизводства...

"Дело" Алексея Лазарева символически отражает историю бесконечных и столь же неудачных попыток в течение всего XVIII в. создать единое для всех подданных государства уголовное и гражданское законодательство. Уже 18 февраля 1700 г. был оглашен царский указ, которым учреждалась особая Палата об Уложении, — этой комиссии поручалось заняться пересмотром и исправлением Уложения 1649 г.²⁴ Палата должна была составить так называемую Новоуложенную книгу. Предстояло собрать все именные указы, новоуказные статьи с 1649 по 1700 гг. Работа началась, но не была завершена - мешали разные обстоятельства. В 1714 г. Петр Великий вновь поставил вопрос об Уложении, но сводное Уложение так и не было создано, зато 9 мая

1718 г. последовала резолюция царя создать новое Уложение, взяв за основу уже не Уложение 1649 г., а шведский и датский кодексы. Но повелеть - одно дело, а осуществить - другое: не было тогда людей столь подготовленных, чтобы осуществить в полном объеме задуманное Петром, мешало также и то, что между русским и шведским законодательствами были слишком уж большие несходства. 9 декабря 1719 г. был дан Сенату указ, согласно которому предписывалось начать слушать новое Уложение 7 января 1720 г. Петр определил срок, когда должно быть готово. Но работа трех сменявших друг друга комиссий продолжалась вплоть до его смерти. К 1725 г. третьей по счету комиссией были составлены четыре книги Уложения: "О процессе", т.е. суде и месте его в обществе; "О процессе в криминальных, розыскных и пыточных делах"; "О злодействах, какие штрафы и наказания последуют"; "О гражданских и гражданских делах"²⁵. Деятельность комиссии не прекратилась со смертью Петра. Уже через три недели после восшествия на престол Екатерины I, Сенат издал указ, предписывавший увеличить число новых членов. Намечалось закончить

Уложение к концу 1726 г. Но Екатерине тоже не удалось дожидаться результатов трудов комиссии.

С воцарением Петра II вопрос о новом Уложении не был оставлен. Была определена основная причина неудач комиссии, состоявшая, как тогда отмечалось, в том, что к русской жизни прилагалось иностранное законодательство. Верховный Тайный Совет избрал новый путь составления свода русских законов. Правовой фундамент должен был стать национальным и историческим. 14 мая 1728 г. Верховный Тайный Совет дал Сенату указ, в котором предписывалось дополнить прежнее Уложение. При этом составлялась новая комиссия - только из дворян, что необычно, так как даже царь Алексей Михайлович, чтобы составить Соборное Уложение, призывал на Земский собор представителей разных социальных слоев.

После смерти Петра II вопрос об Уложении вновь был поднят. 1 июня 1730 г. был дан Сенату именной указ: «Вам (т.е. Сенату. - А.Ю.) известно, какое попечение имел император Петр Великий еще с 1717 г., чтобы исправить Уложение, но отвлеченный другими делами, он не имел возможности довести это исправление до благополучного окончания. И хотя императрица Екатерина I и император Петр II также старались разрешить этот вопрос, "однако жь и поныне ничто не сделано". А между тем мы ни в чем так не нуждаемся, как в "совершенном Уложении", потому что вследствие накопления массы указов, сплошь да рядом совершенно друг другу противоречивых, "безвестные судьи", подбирая законы, решают дела крайне "неправедно"»²⁶. Анна Ивановна решила, что будет лучше, если в составе комиссии будут выборные представители от трех основных сословий. Но и этой государыне не удалось завершить начатое Петром. Через три недели после государственного переворота 25 ноября 1741 г. был издан именной указ (от 12 декабря), который предписывал учредить комиссию из нескольких сенаторов для пересмотра указов и подготовки реестра для тех из них, которые должны были быть "отставлены". Но результаты деятельности и этой комиссии были не слишком утешительные. П.И. Шувалов в речи, произнесенной 11 марта 1754 г. в Сенате в присутствии самой императрицы, обратил внимание на то, что каждое государственное учреждение должно "разбирать указы": без такой работы нельзя выполнить то, что задумал еще Петр Великий. Елизавета Петровна сообщила, что намерена добиться того, чтобы были законы - ясные и понятные, отметив то, что "нравы и обычаи" с течением времени меняются, значит должны меняться и законы. Во всяком случае, Уложение стало восприниматься как законодательство, необходимое само по себе, без прямой связи с тем Соборным Уложением, которое существовало в XVII в. и уже устарело.

25 июля 1755 г. произошло знаменательное событие - первые две части Уложения были поднесены Елизавете Петровне, но она их не ут-
Вердила, возможно, потому, что в Уголовном Уложении допускалась смертная казнь, осуществление которой впервые в России было приостановлено императрицей в 1753 г.²⁷

Комиссия в результате составила три части Уложения - часть 1: О суде; часть 2: О розыскных делах и часть 3: О состояниях подданных вообще. В.Н. Латкин, известный историк права, писал: "По многим вопросам отдельных отраслей права проект предлагает совершенно новые ответы, зачастую реформируя юридический быт народа и внося в него новые начала на смену прежним, так сказать, устарелым..."

14 декабря 1766 г. Екатерина II издала манифест, которым созывала народных представителей в комиссию для составления нового Уложения. Если "Наказ", составленный для Уложенной комиссии, отличался гуманизмом в области уголовного права, то дворянские наказания требовали усиления наказания за многие преступления. Впрочем, как отметил В.Н. Латкин, дворянские наказания, хотя и говорят о преступлениях против личности (о побоях, увечьях и т.д.), но относительно немногочисленны. О том, как изменилось время, если вести отсчет от Артикула воинского, свидетельствует, например, кашинский наказ, в котором обсуждалась правовая ситуация, близкая к нашему сюжету: "Если дворянин дворянина обесчестит словом или побьет, то таковому обидчику... учинить тоже чрез профоса... если же кто, неимеющий священства или офицерской чести, побьет дворянина, таковому чинить наказание кнутом, да, сверх того, за бесчестье и увечье взыскивать второе... а ежели то учинит священник или офицер, *таковых лишить чинов*"² *. Итак, суровые наказания дворян, желавших ужесточения наказаний за уголовные преступления, не содержали в себе требований, сопоставимых по суровости с нормами, которые находим в петровском законодательстве. Хотя нравы уже изменились, помягчели, и при Екатерине II считается "суровым" то, что при Петре I не сочли бы даже за наказание. Соборное Уложение 1649 г. и Артикул воинский "по-прежнему остались действующим уголовным законодательством и некоторые частичные поправки к ним нисколько не произвели изменения общего духа и системы законодательства"²⁹. И при Екатерине II не было создано единое для всех подданных уголовное законодательство.

Новый этап работы над составлением законов начался при Александре I и связан, прежде всего, с личностью М.М. Сперанского. С 1808 г. он — член Комиссии составления законов, товарищ министра юстиции, а в октябре 1809 г. по поручению императора составил план государственных преобразований - "Введение к уложению государственных законов". Удалось осуществить на практике лишь некоторые мероприятия. В 1810г. был создан, в частности, Государственный совет. В 1812г. М.М. Сперанский сослан в Нижний Новгород. Лишь в 1821 г. он вернулся в Петербург, а с 1826 г. возглавил II отделение собственной е.и.в. канцелярии, осуществлявшее кодификацию. Под руководством этого выдающегося человека было составлено первое Полное собрание законов Российской империи в 45 томах. Но реальный Уголовный кодекс ("Уложение о наказаниях уголовных и исправительных") появился еще позже - в 1845 г.

Нет ничего удивительного в том правовом двоемыслии, которое

мы встречаем в "деле" Алексея Лазарева: на бумаге фиксируется Артикул воинский, в уме - понятое дело - никто не допускает ни на минуту, что жестокая форма наказания по этой норме допустима в столь просвещенное время. Император - живой источник закона — обязан был рассматривать дела, касавшиеся тех лиц, которых следовало по приговору судебной комиссии лишить либо дворянских, либо особых воинских привилегий.

Обратимся же теперь к самой норме — 146 артикулу: "Кто с сердцем и злости кого тростию ударит или иным чем ударит и побьет, оный руки своя лишитца"³⁰. Попробуем создать гипотетическую ситуацию развития событий в соответствии с принятыми тогда правилами, чтобы выявить особенности судебной системы.

Лазарев покончил с собой. По Артикулу воинскому - совершил тяжкое преступление. Соответственно надо и действовать. Артикул воинский давал такие разъяснения: над самоубийцей следовало совершить особую процедуру - "волочить тело самоубийцы по улицам или лагерю и закопать в бесчестном месте" (артикул 164-й). К артикулу прилагалось "толкование". Смысл его заключался в том, что "ежели кто учинил в безпамятстве, болезни, в меленхолии, то оно тело в особливом, но не в бесчестном месте похоронить. И того ради должно, что пока такой самоубийца погребен будет, чтоб судьи наперед о обстоятельстве и притчинах подлинно уведомились, и чрез приговор определили б, каким образом его погребсти". Следовательно, если придерживаться существующих, а не мыслимых, законов, то надо создать комиссию по расследованию обстоятельств самоубийства Лазарева, которая бы решила - "волочить" тело по улицам или тихо закопать где-нибудь. А поскольку никому бы и в голову не пришло действовать самостоятельно, т.е. в соответствии с духом и буквой закона, то гипотетически не исключено, что возник бы новый "всепопданнейший доклад" императору Александру. Не прочитав "первый", очень может быть (в конце концов, почему бы не допустить такую малость!), что Александр мог получить "второй", из которого бы узнал, что из-за медлительности всей судебной системы трагически погиб человек, а теперь предстоит решить "нелегкий вопрос" - волочить тело самоубийцы по улицам города или просто закопать...

Конечно, все обошлось: в подлинном деле возникла своеобразная реакция на известие о самоубийстве Лазарева — "*решено*": видимо, машина исполнения законов Российской империи уже сама себя побаивалась.

Государственная власть не готова была стать амортизатором конфликтных ситуаций в обществе, противопоставляя личности императора само это общество. Символично и то, что Лазарев застрелился именно в 1825 г. Через несколько месяцев на Сенатскую площадь вый-Дут декабристы: дело Лазарева — частица объективного фона общего недовольства. Не исключено, что о трагической судьбе гвардейца многие из будущих декабристов даже знали.

Непостижимым образом дело Лазарева — и в этом также символически отразилась суть всей Российской империи — связало драму русского царя с судьбой гвардейского офицера.

Александр ведь пребывал, по крайней мере, с 1820 г., в состоянии, близком к ипохондрии. Большую роль сыграли события восстания Семеновского полка в октябре 1820 г. Александр, находясь в Троппау, был потрясен сообщениями из России. Он писал А.А. Аракчееву 5(17) ноября 1820 г.: "Легко себе можно вообразить, какое печальное чувство оно во мне произвело; происшествие, можно сказать, неслыханное в нашей армии. Еще печальнее, что оно случилось в гвардии, а для меня лично еще грустнее, что именно в Семеновском полку. Но, с тобою привыкнув говорить со всею откровенностью, скажу тебе, что никто на свете меня не убедит, чтобы сие происшествие было вымыслено солдатами или происходило единственно, как показывают, от жесткого обращения с оными полковника Шварца... По моему убеждению, тут кроются другие причины... По всему вышеписанному заключаю я, что было тут внушение чуждое, но не военное... Цель возмущения, кажется, была испугать..."³¹

Император *положил под сукно дело* о тайных обществах, которые угрожали ему лично, и не стал ничего предпринимать... По возвращении императора из Троппау генерал-адъютант Васильчиков поспешил сообщить ему о заговорщиках, но царь, долго оставаясь задумчивым и безмолвным, сказал затем, что сам когда-то разделял и даже поощрял эти "иллюзии и заблуждения"³². В то же самое время ему была подана записка А.Х. Бенкендорфа, в которой с поразительной точностью описывались эти тайные организации, но царь никаких пометок на деле не оставил, и ничего не сделал, чтобы предотвратить неблагоприятное для него развитие событий. После смерти Александра записка Бенкендорфа была найдена в кабинете царя в Царском Селе...

Разочарование его, или, как говорили еще современники, "утомление жизнью", было столь глубоко, что он порой просто и не стремился стать центральным звеном механизма власти. А государственный аппарат в некоторых случаях не способен был действовать иначе, как в сфере абсолютной власти монарха. Близкое к депрессивному состояние Александра (особенно в последний год жизни), судя по всему, явилось, если не причиной, то уж точно толчком к трагической развязке странного дела Алексея Лазарева. Невозможно понять, читал Александр это дело или не читал, но факт остается фактом: он никак, в течение нескольких лет, не реагировал на "всепоподаннейший доклад", а человек, ждущий императорского решения по пустяшному инциденту, продолжал находиться на гауптвахте.

Память почему-то невольно заставляет вспомнить "другого" Лазарева, из художественной реальности, - преданно *смотрящего в глаза своего императора* и ждущего от него приказов. Толстой как будто заранее знал, что Лазарев "подлинный" их так и не дожидается...

- ¹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1930. Т. 10. С. 146.
- ² Там же. С. 147.
- ³ Толстой Л.Н. Поли, собрание сочинений. М, 1955. Т. 15-16. С. 141-145.
- ⁴ Михайловский-Данилевский А.И. Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах. СПб., 1846. С. 387-389; см. также: Долгов С., Афанасьев А. История лейб-гвардии Преображенского полка, 1683-1883 гг. СПб., 1888. Т. III. Ч. 1. С. 52-53; Потешные преображенские - лейб-гвардии Преображенский полк, 1613-1912. СПб., 1912. С. 43. О А.И. Михайловском-Данилевском см.: Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения. М., 1980.
- ⁵ Козловский Михаил Тимофеевич (1774-1853) - боевой генерал, участвовал в русско-пруско-французской войне 1805-1807 гг., за храбрость, проявленную при Аустерлице, был награжден орденом св. Георгия, в 1807 г. командовал Преображенским полком; во время встречи Наполеона с Александром I был комендантом Тильзита. В 1810г. уволен со службы с чином тайного советника. Князем он не был - это ошибка Л.Н. Толстого.
- ⁶ Боноршвили К.Г. Орден Почетного легиона при Наполеоне I // Французский ежегодник: Статьи и материалы по истории Франции. 1981. М., 1983. С. 210-220.
- ⁷ Толстой Л.Н. Поли. собр. соч. М.; Л., 1930. Т. 10. С. 147-148.
- ⁸ Там же. С. 149.
- ⁹ Литературное наследство. М., 1983. Т. 94. С. 427-428.
- ¹⁰ Мамардашвили М. Необходимость себя. М., 1996. С. 47-48.
- ¹¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 801. Оп. 77/18. Д. 46. Л. 5.
- ¹² Возможно, имелся в виду сенатский указ 28 апреля 1775 г., опубликованный в Полном собрании законов Российской империи, хотя полной уверенности нет. См.: ПСЗ. СПб., 1830. Т. XX (1775-1780). С. 129. Сентенцией указа является следующее: "Дабы впредь та Коллегия отмененных уже законов в производство дел, а тем меньше в представлениях своих Сенату никак не помещала, а держалась бы настоящего разума изданных потом указов..."
- ¹³ РГВИА. Ф. 801. Оп. 77/18. Д. 46. Л. 34-41.
- ¹⁴ Там же. Л. 34-35.
- ¹⁵ Цитата не точна. Приведем текст полностью: "А будет кто в таких исках на таких людей, которые писаны выше сего, пошлетя из виноватых, а те люди по допросу скажут не против его ссылки или и против его ссылки, да не все в одну речь, хотя один не по нем скажет, или они скажут, что про то дело ничего не ведают, и его тем обвинить по тому, что он на тех людей сам слался из воли, а они сказали не против его ссылки" (Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 48).
- ¹⁶ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 19. Л. 89об.-90; Ф. 489. Оп. 1. Д. 21. Л. 74об.-75. Поликарпов В. Л.Н. Толстой на военной службе // Военно-исторический журнал. 1972. № 4. С. 65-73.
- ¹⁸ Каллистов Н.Д. Русский флот и Двенадцатый год. СПб., 1912. С. 18-19; см. также: Кроткое А.С. Поседневная запись замечательных событий в русском флоте. СПб., 1893; Виноградский И. Исторический очерк русской морской пехоты, строевой, береговой службы во флоте и выдающихся судовых Десантов (1705-1895) // Морской сборник. 1898. № 1. С. 1-18; № 2. С. 33-62; Веселого Ф.Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб., 1872;

- Список плаваний русских военных судов из Архангельска в Кронштадт с 1801 по 1842 г. // Зап. Гидрограф, департ. Морск. м-ва. 1844. Ч. 2. С. 443-458.
- ¹⁹ РГВИА. Ф. 801. Оп. 77/18. Д. 46. Л. 265.
- ²⁰ Там же. Л. 266.
- ²¹ Франк С. Реальность и человек. СПб., 1997. С. 63.
- ²² Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 287.
- ²³ Шорохов А.П. К вопросу о применении Воинских артикулов Петра I 1715 г. в общих (гражданских) судах // Актуальные вопросы правопедения в общенародном государстве. Томск. 1979. С. 91-92.
- ²⁴ Латкин В.Н. Законодательные комиссии в России в XVIII столетии: Историко-юридическое исследование. СПб., 1887. Т. 1. С. 1.
- ²⁵ Там же. С. 42.
- ²⁶ Там же. С. 56.
- ²⁷ Там же. С. 90.
- ²⁸ Там же. С. 375.
- ²⁹ Там же. С. 377.
- ³⁰ Законодательство периода становления абсолютизма / Российское законодательство X-XX веков. М., 1986. Т. 4. С. 353.
- ³¹ Шильдер Н.К. Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. 4. С. 195.
- ³² Там же. С. 204.